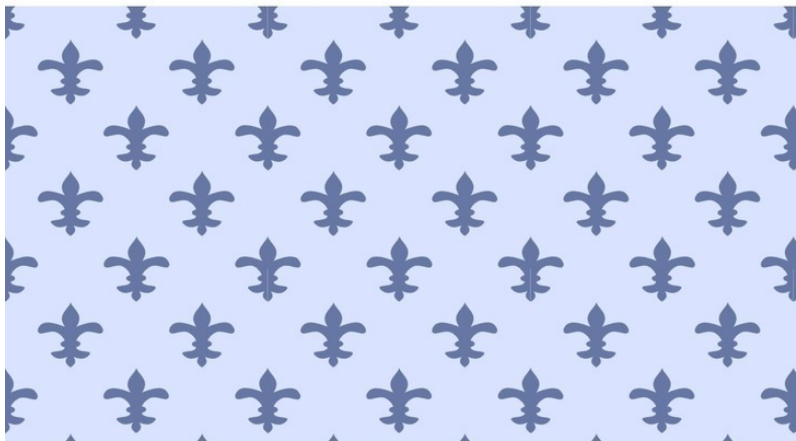

Евгений Малякин

**ТРИ ИСТОРИИ
ВАЛЬТЕРА
ШЛИМАНА**

открыт сезон увлекательных
расследований

Евгений Малякин
Три истории
Вальтера Шлимана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570547

ISBN 9785449350534

Аннотация

Потомок знаменитого археолога попадает в необычные обстоятельства, разыскивая знаменитые артефакты. Он посещает лучшие столицы мира и разгадывает самые невероятные тайны...

Содержание

Диадема Елены Прекрасной	5
Шлиман и треуголка Бонапарта	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Три истории Вальтера Шлимана

Евгений Малякин

© Евгений Малякин, 2018

ISBN 978-5-4493-5053-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Диадема Елены Прекрасной

Мобильник громко исполнил рингтон на тему «Турецкого марша» и разбудил Вальтера Шлимана. Тихо ругнувшись, мужчина дотянулся до трубки.

Его заспанное лицо на вторую минуту разговора приняло сначала напряженное, а потом и раздраженное выражение.

Звонил давний и очень важный клиент из Парижа Арманд Кюни. Эксцентричный миллиардер на этот раз превзошел сам себя. Он недавно сошелся с фантастически популярной кинозвездой Анджелиной Холли и был готов для нее на все.

А дамочка требовала от состоятельного любовника просто удивительных ювелирных подарков. На этот раз ей захотелось иметь не какой-нибудь там бриллиант «Принц Сиам», а самую что ни на есть... диадему Елены Прекрасной.

Да, да, Вальтер не ослышался. Он мгновенно понял, о чем идет речь, однако, дал свое согласие Арманду и отключил связь. Вальтер являлся праправнуком великого археолога Генриха Шлимана – того самого, который в 1873 году нашел на раскопках Трои «сокровища царя Приама». А заявленная Армандом на розыск диадема была одним из главных артефактов этого знаменитейшего клада мира.

Вальтер прикрыл глаза и явственно увидел фотографию своей неродной прапрабабки Софии Шлиман. Ту самую фотографию, которая была опубликована в миллионах журна-

лов и книг на всех языках мира. На этом черно-белом фото София предстала потрясенным современникам в золотом уборе Елены Прекрасной, главной частью которого и была та самая диадема на голове, состоявшая из 16 тысяч крохотных золотых деталей.

...Вальтер влез в халат, прошелся по своей роскошной спальне и подумал, что надо бы сбросить пару-тройку килограммов, хотя этот спортивного телосложения красивый сорокалетний мужчина и так сводил с ума женщин тех стран мира, где он бывал по своим делам.

Дела Вальтера Шлимана заключались в том, что он не столько изредка и «для души» занимался уникальными раскопками, как профессиональный археолог, сколько зарабатывал себе на жизнь выполнением специфических заказов крупнейших частных коллекционеров мира. Эти господа, как правило, хотели добыть себе самые удивительные артефакты, и готовы были платить за них сумасшедшие деньги.

А Вальтер добывать сокровища умел, что, судя по всему, было в нем заложено генетически. Он обладал хорошим личным состоянием, самыми высокими связями, как в деловом мире, так и мире политики, а главное – ему неисповедимыми путями досталась тайная картотека прапрадеда Генриха.

В этой картотеке были перечислены не только имеющиеся или пропавшие лучшие артефакты мировой истории, но и прослежен их путь из рук в руки. А главное – были даны наметки на предполагаемое местонахождение этих артефак-

тов на момент конца 19 века, когда великий Генрих Шлиман скоропостижно скончался прямо посреди жаркой улицы Неаполя.

Но, увы, на этот раз картотека ничем не могла помочь Вальтеру. Ведь прапрадед не мог знать, что случилось с найденным им кладом в 20 веке, и теперь только, пожалуй, три человека в этом мире знали о реальной судьбе «сокровищ Приама».

...Вальтер Шлиман сварил себе кофе, выглянул из окна на заснеженную Тверскую- именно здесь располагалась одна из его квартир. Затем он сел в кресло, закурил и задумался. Споры и раздоры за бесценные «сокровища Приама» начала Турция, на территории которой до сих пор находятся развалины легендарной Трои, и откуда ловкий бизнесмен Генрих в конце 19 века тайком вывез почти весь клад троянского царя.

Потом за клад спорили еще несколько стран под разными предложениями, но в итоге «сокровища Приама» оказались в Берлинском музее.

В 1945 году, когда советские войска вошли в Берлин, клад стал официально считаться исчезнувшим. Однако, в последние годы темная история «сокровищ Приама» немного прояснилась. В частности, стало известно, что клад был найден советскими солдатами в специально оборудованном гитлеровцами хранилище на территории Берлинского зоопарка. Потом он был тайно вывезен в Москву и все эти десятилетия

хранился в Музее изобразительных искусств им. Пушкина.

В 90-е годы миру сообщили о реальном местонахождении клада и даже устроила его сенсационную выставку, но Германии «сокровища Приама» вернуть россияне отказались.

Однако, никто не знал еще более сногшибательную правду о знаменитом кладе, пожалуй, кроме Вальтера, звонившего ему Арманда Ключни и еще одного человека...

Вальтер стал одеваться. Он знал, куда ему сейчас следует поехать.

Шлиман спустился в подземный гараж, сел в свой «Фольксваген-Туарег», близнеца «Порше-Кайен», но менее выделяющийся из общей массы. Через пять минут немец-археолог вырулил из переулка на улицу, до отказа забитую традиционной утренней «пробкой».

– *И когда эти московские ребята научатся правильно строить город и регулировать движение,* – пробормотал Вальтер и приготовился провести в автомобильной давилке минимум полчаса. Он достал из куртки мобильник и позвонил:

– *Юрий Петрович? Здравствуйте, вас беспокоит старый знакомый Вальтер Шлиман, помните на банкете по случаю юбилея мэра... Ага, ага, да – у меня к вам важное дело. Нельзя ли в течение часа-двух подъехать к вам... да, да я помню, это Николина гора... да, там направо, потом шлагбаум... да, и тогда я вам позвоню. Спасибо за понимание, до встречи.*

Теперь оставалось только ждать, когда Москва выпустит его автомобиль из своих цепких объятий. Правда, Шлиману было, о чем подумать за это время. Он вспомнил, как познакомился не только с Юрием Кобыльниковым, с которым только что беседовал, но и с самим Армандом Ключни. На одном из приемов в Елисейском дворце их свел лично тогдашний президент Ширак, что служило поручительством сразу им обоим друг за друга.

Позже Арманд запросто обратился к Вальтеру с просьбой достать для него 11-й по величине в мире бриллиант «Принц Сиама», находившийся у одного частного коллекционера в Южной Африке. Шлиман блестяще выполнил это трудное и деликатное поручение. И вот тогда между ними возникло полное доверие, и состоялся тот знаменательный разговор, в ходе которого Арманд рассказал Вальтеру о тайне «сокровищ Приама».

Правда, в те годы Арманд Ключни еще не сошелся с сумасбродной Холли и вопрос добычи этих сокровищ интересовал его пока чисто теоретически. Но сам Вальтер тогда был шокирован. Ведь речь шла о самой великой находке его знаменитого предка-археолога, и Вальтер Шлиман долго не мог выбросить из головы рассказанное ему Армандом.

Потом за ежедневными хлопотами он тоже вытеснил эту тему куда-то на периферию памяти.

И вот теперь...

...Вальтер прекрасно ориентировался на любой незнако-

мой местности, поэтому замок со средневековыми башенками он нашел без труда – его трудно было не заметить даже с трассы.

Вскоре он сидел в кресле перед камином, попивая зеленый чай, а перед ним с бокалом в руке в еще более массивном кресле восседал лично Юрий Петрович Кобыльников.

– Я очень заинтересовался, какой же важный вопрос ко мне может быть у вас?

Шлиман привык брать быка за рога, поэтому без лишних предисловий сказал:

– Мне нужны «сокровища Приама».

Ничто не дернулось на лице Кобыльникова. Однако в глубине его темных глаз вспыхнуло нечто зловещее.

– Не понимаю. Почему с этим, историческим, кажется, вопросом, вы обратились ко мне, бизнесмену-сырьевуку?

Вальтер пристально посмотрел на собеседника и сказал:

– Ну, хорошо, если вы делаете вид, что я вам выдал нечто безумное, то позвольте кое-что вам напомнить. Вы, конечно, слышали об Арманде Клюни?

Кобыльников пожал плечами.

– Уверен, что слышали. Так вот, в начале перестройки миллиардер Арманд зачастил в Москву, пытаясь, как всякий сумасшедший коллекционер, добыть в мутной воде «горбачевщины» важные артефакты для своей коллекции. Так он по цепочке связей вышел на вдову одного из сталинских маршалов. Все мы знаем, что в 1945-м этот мар-

шал, не стесняясь, отлично поживился трофейными ценностями поверженной Германии. Вдова по наивности проговорила редкому заграничному гостю, что покойный супруг оставил ей в одном из сейфов некие «троянские сокровища». «Откуда?» – изумился Арманд, знавший, что клад царя Приама исчез практически бесследно. И тут, очарованная и заваленная подарками от богатого и учтивого гостя старушка рассказала следующее.

Оказывается, еще в начале 40-х годов по тайному приказу Гитлера лучшими еврейскими ювелирами Германии (впоследствии сгинувшими в концлагерях) была изготовлена точная копия золотых «сокровищ Приама». При этом были применены новейшие на тот момент технологии «старения» артефактов, так что стало почти невозможно отличить – где подлинный исторический клад, а где его великолепная подделка. Затем в бардаке и неразберихе осажденного Берлина весны 45-го один вариант клада был изъят из Берлинского музея, а подделка была вывезена из рейхсканцелярии, и все это золото было спрятано в тайнике городского зоопарка.

– Очень увлекательная история, – скучно сказал Кобыльников и демонстративно посмотрел на часы. Но Шлиман продолжал все тем же ровным тоном школьного учителя:

– Ну а после того, как по приказу полководца найденные сокровища были доставлены лично к нему, произошло сле-

дующее. Маршал тайно вывез в Берлин лучшего на тот момент ювелира СССР, который сумел разобраться – где подлинный вариант «сокровищ Приама», а где искусная подделка. После чего маршал забрал себе подлинники, а дубликаты сдал государству как трофейные ценности и именно подделки попали в музей искусств. Солдаты и все, кто знал о двух вариантах «сокровищ Приама», были в ближайшие дни либо арестованы и отправлены в ГУЛАГ, где и умерли, либо таинственным образом погибли там же в Берлине.

...Вальтер усмехнулся, отвернувшись к тяжелым портьерам окон особняка. Он представил себе, как Арманд ошалел тогда от этой услышанной истории. Как он, конечно же, на коленях начал умолять старушку продать ему артефакты за любые деньги, которые она могла только себе вообразить.

Но, увы! На тот момент вдова маршала абсолютно не нуждалась в средствах, обожала внуков и она предпочла сохранить драгоценности, как она выразилась «для потомков из нашей семьи».

– Разочарованный Арманд уехал в Париж и за другими делами прозевал тот момент, когда в СССР начался самый дикий развал и резко обнищали даже многие из прежних хозяев жизни, – продолжил свой рассказ Шлиман, внимательно глядя на откровенно позевывавшего владельца дома. – Именно в те годы совсем уже брошенная уехавшей на Запад родней и оставшаяся на нищенской пенсии маршальская вдова и решила продать «сокровища Приама».

Все произошло банально и фантастически, как бывает только в России. Престарелая дама в середине 1992 года просто дала объявление в одной из бесплатных газет о продаже «редких драгоценностей». Первым, кто к ней приехал – по моим сведениям из достоверного источника – подчеркнул Шлиман – был самый «крутой» на то время московский авторитет Окорочок.

...При этих словах оплывшее лицо олигарха дернулось, но он сдержал эмоции. А Шлиман отхлебнул остывшего чаю и невозмутимо продолжал:

– Конечно, старушка-вдова не совсем понимала, что она на самом деле продает, а Окорочок с трудом понял – что он на самом деле покупает. Но сделка состоялась, и авторитет в малиновом пиджаке отбыл восвояси с тяжёлым портфелем и коробкой, набитыми троянским золотом. Вдова получила три миллиона тогдашних рублей и считала, что совершила выгодную продажу. Вскоре она скончалась. Вы ей, случайно, не помогли?

Кобыльников издал странный звук и медленно встал с кресла.

– Мне казалось, мы с вами светские люди, господин Шлиман. Ваши рассказы и намеки наводят меня на мысль, что меня познакомили с аферистом. Вы можете обратиться с вашими байками на телеканал «Чудеса в решете» и уверен, что там вас выслушают с еще большим интересом, чем я. А теперь, извините, у меня важная деловая встреча.

Шлиман не стал обострять ситуацию еще больше. Он решил, что пока достаточно, в свою очередь встал и просто сказал:

– Ну что же, видимо, мои информаторы ошиблись, и я действительно обратился не по адресу. Извините, до свидания.

...Выезжая из массивных ворот угодий Кобыльниково, все подмечающий Шлиман заметил – сколько видеокамер проводили его машину своими пытливыми глазками.

Вальтер ехал не спеша, и ничуть не удивился, когда минут через десять его «Туарег» подрезал черный «Хаммер» и заставил остановиться.

Два чисто киношных типа с квадратными челюстями подлетели к его машине, бесцеремонно выволокли Шлимана из-за руля, и, заломив ему руки, затолкали Вальтера как тряпичную куклу в багажник своей машины.

...Спустя минут пятнадцать, Вальтер снова сидел в том же кресле перед Кобыльниковым, только на этот раз его руки были крепко стянуты скотчем. Ничего более серьезного по отношению к этому «ботанику» было велено пока не предпринимать.

– Зачем же, господин Окорочок, было устраивать эту комедию и так запросто отпускать меня? Могли бы уж сразу...

Кобыльников аж взвился от злости:

– Еще раз, падла, произнесешь это старое вонючее пого-

няло – я тебя как раз на окорочок и окорочу...

Невольный каламбур, видимо, понравился самому олигарху, так что он тут же обмяк и снисходительно добавил:

– Ну, ты ж наивный албанец, Вальтер. Надо, чтобы камеры тебя зафиксировали, что ты уехал. Потом ко мне не будет вопросов, даже если кто и знает, что ты ко мне приезжал.

Шлиман решил изобразить крайний испуг и перекошил лицо:

– В-вы, ч-что же хотите со мной сделать?

Олигарх усмехнулся и налил себе в бокал что-то из пузатой бутылки.

– Сначала ты расскажешь, кто еще из твоих подельников знает про этот клад, а потом... Не волнуйся, ты будешь достойно похоронен, зацементирован навечно... да... у меня есть один подвальчик...

Вальтер попытался вскочить с кресла, но стоящие по бокам «качки» сильными толчками вернули его обратно.

– А что именно тебя интересовало из этого золота? – осведомился олигарх.

– Что уж скрывать, – понуро ответил Вальтер, потирая ушибленную грудь. *– Диадема Елены нужна, это самая бесценная вещь*

– А-а, ну мне она тоже больше всего нравится, я ее перебираю почти каждый день, как четки, по колечку, это меня успокаивает, и даже, знаешь – олигарх хихикнул – возбуж-

даст. Но ты хрен это получишь, понимаешь?

– Понимаю, – почти прошептал Шлиман и покосился на стоящих «качков». Ситуация казалась безнадежной.

Кобыльников кивком головы показал направление, куда следует увести Вальтера и вслед своим ребятам приказал:

– Когда заговорит, самим не слушать, зовите сразу меня.
Я буду в спальне.

...Шлиман не упирался, когда его буквально подняли под руки, поволокли в какой-то нижний этаж замка и втолкнули в ярко освещенную, белую до рези в глазах комнату.

Опытным взглядом Шлиман сразу оценил скромное убранство этого воистину гестаповского кабинета. В центре помещения стояло кресло, похожее на стоматологическое. На столах по бокам были демонстративно разложены чудовищных размеров ножи и ножички, топорики и пилочки, какая-то прочая металлическая пыточная гадость, напоминающая гвоздодеры или инструменты гинеколога.

Вальтера грубо швырнули в кресло, и как только «качки» приготовились зафиксировать его руки на подлокотниках, он понял, что пора.

Шлиман, вообще-то, был готов к такому развитию событий – подобное с ним случалось не впервые. Он с силой надавил кончиком языка на крохотный электронный приборчик, прикрепленный на верхней десне. Приборчик немедленно послал сигнал маленькому, герметично закрытому баллончику в кармане его брюк и тот резко выбросил в воздух кро-

хотную порцию газа. «Качки» свалились, как подкошенные.

Вальтер понимал, что более полутора минут он, даже хорошо тренированный, не может задерживать дыхание. Поэтому, чтобы не попасть под действие своего же уникального нервно-паралитического газа – партию таких баллончиков дал ему друг, великий химик-изобретатель из Мюнхена Клаус Шминке – Вальтер крепко схватил зубами большой нож со стола и перепилил скотч на руках.

Затем он подскочил к одному из «качков», вытащил у него пистолет и бросился вон из ядовито-ослепительного подвала. Задвинув дверь на засов, он быстрыми, но крадущимися шагами стал подниматься наверх.

В замке, похоже, не было на тот момент даже прислуги. Найти спальню Кобыльников на втором этаже труда не составило. Резко распахнув двери, Вальтер увидел то, что втайне и предполагал увидеть.

Окорочок сидел спиной к нему в кресле перед распахнутым массивным сейфом. Он едва успел повернуть голову на шум, как подскочивший к нему Вальтер ударил олигарха рукояткой пистолета по голове. Обмякший Кобыльников выпустил из рук то, чем он так любовно занимался до вторжения Шлимана.

Это была та самая золотая диадема Елены Прекрасной. Великая древность...

Вальтер тут же подхватил ее, не давая драгоценности упасть на ковер.

Все дальнейшее было уже делом техники. Окорочок получил в свой рот увесистый кляп из стянутых с него же носков, затем он был связан сорванной с кровати простыней.

Потом Шлиман упаковал диадему в большую бархатную коробку, в которой она хранилась в сейфе олигарха и спустился к выходной двери. Он осторожно высунул из нее голову и, не увидев поблизости охранников, побежал к стоящему возле витой лестницы «Хаммеру». Похоже, оставалось только одно препятствие в виде «секьюрити» у ворот поместья.

Но дюжий, и ничего не подозревающий охранник сам вышел к подкатившей машине. Похоже, он сильно удивился, когда резко открывшаяся водительская дверь сшибла его с ног, а затем какой-то тип наставил на него «пушку». Парню ничего не оставалось, как под дулом пистолета открыть ворота, после чего и он получил профессиональный удар рукояткой пистолета по голове.

...Шлиман старался не мчаться по Москве, понимая, что ему сейчас не до разборок с ГИБДД, если его вдруг остановят. Подъезжая к музею искусств, он позвонил его директору Ирине Почиковской, с которой Вальтера, как и со многими другими директорами крупнейших музеев мира, связывали деловые и даже дружеские отношения.

Директор встретила Шлимана в дверях своего кабинета с традиционной дружелюбной улыбкой, но Вальтер на этот

раз даже забыл, как обычно, поцеловать ей руку.

– *У меня к вам важнейшее и срочнейшее дело,* – выпалил Шлиман.

У Почиковской округлились глаза, потому что таким взъерошенным этого солидного, аристократического вида мужчину она видела впервые.

Правда, в следующие три минуты глаза почтенной дамы вообще могли вылезти из орбит, потому что Вальтер открыл бархатную коробку и извлек оттуда диадему Елены Прекрасной.

– *Вы... что это... откуда,* – только могла пролепетать Ирина Почиковская, прекрасно знающая, что этот величайший в мире артефакт хранится в ее музее за семью замками и семью дверями.

Следующий час она, машинально прихлебывала принесенный секретаршей чай, и с совершенно ошалевшим видом слушала то, что рассказывал ей Вальтер Шлиман. Иногда она, не веря своим глазам, дотрагивалась до золотой диадемы, и лицо ее при этом выражало крайне противоречивые чувства.

Затем Ирина Николаевна обзвонила трех ведущих экспертов-ювелиров, двух ведущих экспертов-реставраторов и пару лучших искусствоведов страны.

Не терпящим возражений тоном высокая музейная начальница потребовала, чтобы они немедленно прибыли к ней в кабинет «по важнейшему государственному делу».

Через пять часов исследований и сравнительных экспертиз двух экземпляров золотых диадем высокий консилиум пришел к выводу: предоставленный Вальтером Шлиманом экземпляр диадемы является подлинным.

После этого Ирина Почиковская попросила всех выйти из ее кабинета. Директору Государственного Российского музея изобразительных искусств надо было позвонить своей хорошей знакомой, можно сказать подруге и, одновременно, попечительнице музея – жене премьер-министра.

О чем говорили две женщины – никто не знает.

...Ночь Вальтер провел в снятом на всякий случай номере гостиницы с пистолетом под подушкой.

В 11 часов утра, когда Шлиман приканчивал принесенный ему в номер завтрак, ему позвонила Почиковская. Она сообщила, что господин Кобыльников ранним утром был срочно вызван в Кремль. Окорочок примчался туда еле живой и после получасового разговора вышел из Большого Кабинета еще более бледный.

По сведениям Почиковской, все оставшееся у него «золото Приама» Кобыльников сегодня же принесет в дар государству, после чего, видимо, отбудет на всякий случай в Вену.

Директор музея сказала Вальтеру, что ему даны гарантии личной безопасности «самого высокого уровня власти». Более того: за тот дар, который он обеспечил в сокровищницу России, Шлиману разрешено получить в личное пользование золотую копию древней диадемы.

Соответствующие документы на вывоз драгоценности он получит в течение двух дней.

...Вылетая в Париж, Шлиман не стал, конечно же, сдавать в багаж бархатную коробку, в которой лежала мастерски сделанная по заказу Гитлера копия диадемы Елены Прекрасной.

Он знал, что Арманд Ключи лично встретит его в аэропорту Шарль-де Голль, и там же немедленно откроет коробку.

Он так же знал, что у Арманда не возникнет никаких вопросов по поводу подлинности диадемы.

Это ему подтвердят, если что, лучшие ювелиры Парижа.

Шлиман и треуголка Бонапарта

Вальтер Шлиман старательно пытался посмотреть в глаза директора парижского Дома Инвалидов. А сам 60-летний Жак Бриссо говорил, не умолкая, но даже взгляд его от волнения не мог сфокусироваться на собеседнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.